

Д. В. Возчиков

FELICISSIMA VENETIA: ВЕНЕЦИАНСКИЙ МИФ В СОЧИНЕНИЯХ ГУМАНИСТА ЛАУРО КВИРИНИ

УДК 94(450)“14”

ББК 63.3(4Ита)4

Статья посвящена политическому аспекту венецианского гуманистического дискурса XV в. на примере трудов Лауро Квирини (ок. 1420–1475/1479). Видный гуманист Квирини был одним из архитекторов венецианского мифа — доктрины исключительности и превосходства политических институтов «Светлейшей». Его жизненный путь пришелся на период серьезных внешнеполитических испытаний для Венецианской республики — наступления на терраферму в Италии и османской экспансии на Востоке. На основе широкого круга трудов Квирини, включая его эпистолярное наследие, диалог «О мире в Италии», полемический трактат «О благородстве. Против Поджо Флорентийца» и другие сочинения, в работе рассматривается осмысление интеллектуалом вызовов времени. В исследовании также уделяется внимание представленному в его трудах портрету Византийской империи — «прижизненному» и «посмертному», т. е. до и после 1453 г. Квирини стремился представить существовавшие в его время социально-политические порядки Венеции как изначальные и отстаивал идею благородства по происхождению в противовес развиваемому Поджо Браччолини учению о приобретаемом благородстве. Генеалогию венецианских патрицианских родов, к одному из которых Квирини сам принадлежал, он возводил к римским патрициям, а венецианские гражданские институты считал наследниками «римской вольности». В целом Лауро Квирини рассматривал Венецианскую республику своего времени как новый Рим — наследницу одновременно римской классической культуры и римской гражданской доблести, что для Венеции, не имевшей собственной античной истории, играло компенсаторную роль.

Ключевые слова: *Лауро Квирини, Венецианская республика, гуманизм, Венецианская Романия, историческая мысль средневековья*

XV столетие было для Венецианской республики не только временем зенита торговой и морской мощи, но и периодом серьезнейших геополитических испытаний. В первой половине века устоявшаяся модель Республики, в которой источниками процветания и могущества были морская торговля и колониальные владения в Средиземноморье, претерпела значительные изменения в связи с созданием протяженного и компактного владения Венеции на материке — на итальянской терраферме. Во второй половине XV в. главным внешнеполитическим вопросом для Венеции стала завоевательная политика Османской империи, угрожавшая поглотить владения «Светлейшей» в Романии. Творческий путь венецианского гуманиста Лауро Квирини (ок. 1420–1475/1479) хронологически совпадает с эпохой этих значимых перемен в истории Республики. В его гуманистических штудиях нашли отражение и войны на терраферме в период догата

решительного и предприимчивого Франческо Фоскари (1423–1457), и падение Константинополя в 1453 г., и поражения Венеции в войне с османами 1463–1479 гг. Особый интерес представляет отражение в трудах Квирини политических вызовов и задач Венеции, а также построение образов власти.

На сегодняшний день историография творчества Квирини находится главным образом в поле изучения венецианской традиции гуманизма, а также образа Османской империи в Европе в период завоеваний Мехмеда II.¹ В 1977 г. во Флоренции при участии А. Пертузи, Дж. Равеньяни и других крупных медиэвистов был издан сборник «Lauro Quirini Umanista. Studi e testi», включавший наиболее значимые трактаты и письма гуманиста, а также исследования, посвященные Квирини.² Российские исследователи в последнее

Возчиков Дмитрий Викторович — аспирант кафедры древнего мира и средних веков, УрФУ (г. Екатеринбург)
E-mail: catullus89@mail.ru

¹ См.: King M. L. *Venetian Humanism in an Age of Patrician Dominance*. Princeton, 1986; Parry S. *Fifty Years of Failed Plans: Venice, Humanism, and the Turks (1453–1503): a dissertation submitted to the Graduate Faculty in History*. New-York, 2008. Vol. I.

² Lauro Quirini Umanista. Studi e testi / a cura di K. Krautter, P. O. Kristeller, A. Pertusi, G. Ravegnani, H. Roob, C. Seno. Firenze, 1977.

время также проявляют серьезный интерес к венецианскому мифу³ (*il mito di Venezia*), т. е. к комплексу идеологием, призванных подчеркнуть величие и уникальность Венецианской республики.⁴ Однако в отечественной историографии отсутствуют работы, специально посвященные Квирини. Внимание российских медиевистов сфокусировано лишь на одном аспекте его творчества — отражение падения Константинополя и османской угрозы Европе в его эпистолярном наследии.⁵ (И. П. Медведев первым перевел на русский язык его письмо к папе Николаю V, в котором венецианец оплакивал падение Византии.⁶) Основная задача настоящего исследования — анализ политической идеологии и потестарных образов в наследии Квирини как представителя венецианского гуманизма.

Лауро Квирини родился около 1420 г. в семье венецианского нобиле Пьетро ди Джорджо.⁷ Весьма вероятно, что Квирини был уроженцем не Венеции, а Кандии, где он впоследствии стал крупным землевладельцем, т. е. был патрицием крито-венецианского происхождения.⁸ В 1438 г. молодой Лауро был зарегистрирован в числе участников церемонии «золотого шарика» (*balla d'oro*).⁹ Эта процедура, приуроченная ко дню Св. Варвары (4 декабря), представляла собой торжественное посвящение молодых нобилей в политическую жизнь «Светлейшей» посредством жеребьевки, предоставлявшей доступ в Большой Совет до достижения ими возраста 25 лет.¹⁰ Закончив в апреле 1440 г. обучение в Венеции, Лауро продолжил образование в Падуанском университете, который после поглощения Па-

дуи Венецией в 1405 г. не только сохранил свое общеевропейское значение, но и стал интеллектуальным фасадом Республики. Венеция не имела собственного университета, и ее гуманистическая традиция складывалась под влиянием университета Падуи. Квирини изучал право, тесно общался с виднейшими авторами гуманистического круга — Джанотцо Манетти, Леонардо Бруни, Виссарионом, Изоттой Ногарола. Так, в 1441 г. молодой венецианец остановился во Флоренции в доме кардинала Виссариона. В 1448 г. он получил степень доктора права.¹¹ В 1452 г. Квирини уже известный гуманист, университетский преподаватель риторики, автор многочисленных латинских речей и посланий, вскоре после женитьбы на Пелигрине Фальеро обосновался в Кандии, где вел жизнь преуспевающего землевладельца, вовлеченного в европейскую торговлю. Именно на Крите Квирини, по-видимому, и окончил свой жизненный путь между 1475 и 1479 гг.¹² Итак, жизнь венецианца Лауро Квирини — патриция и купца, гуманиста и университетского интеллектуала — в первой своей половине была тесно связана с сухопутными владениями «Светлейшей» в Италии, а во второй — с ее главной заморской колонией.

Одно из самых любопытных сочинений раннего периода творчества Квирини — «О мире в Италии» («*De pace Italiae*», 1441).¹³ Этот небольшой трактат построен в форме диалога между тремя аллегорическими персонажами — Меркурием, Италией и Фамой — Молвой. Подобная форма выбрана молодым автором в подражание сатирическим диалогам популярного в гуманистической среде XV в. Лукиана.¹⁴ Италия, разоренная бесконечными войнами, горестно оплакивает перед Меркурием свою судьбу. Она сетует богу на то, что безвозвратно ушли далекие времена и нравы Римской республики — эпоха Фабриция,¹⁵ Фабия, Камилла, Корнелия Сципиона, «которые блестяще и усердно воевали с чужеземными народами за свободу Италии, за спасение отечества, во имя славы, доброго имени и, наконец, ради

³ См.: Брагина Л. М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Идеалы и практика культуры. М., 2002. С. 172–184; Юсим М. А. Гаспаро Контарини и его трактат о Венецианской республике // Контарини Г. О магистратах и устройстве Венецианской республики. СПб., 2013. С. 10–48.

⁴ См.: Юсупов А. Ю. Система управления Венецианской республики в VIII–XV вв. // Властные институты и должности в Европе в средние века и раннее новое время. М., 2011. С. 381.

⁵ См.: Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981; Медведев И. П. Падение Константинополя в греко-итальянской гуманистической публицике XV в. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999. С. 292–332; Пашкин Н. Г. Падение Константинополя в восприятии западных гуманистов XV в. // АДСВ. 2008. Вып. 38. С. 258–266.

⁶ См.: Медведев И. П. Указ. соч. С. 320–325.

⁷ См.: Lauro Quirini Umanista. P. 10.

⁸ См.: O'Connell M. The Venetian Patriariate in the Mediterranean: Legal Identity and Lineage in Fifteenth-Century Venetian Crete // *Renaissance Quarterly*. 2004. Vol. 57. № 2. P. 487.

⁹ См.: Lauro Quirini Umanista. P. 10.

¹⁰ См.: Контарини Г. Указ. соч. С. 65.

¹¹ См.: Lauro Quirini Umanista. P. 12.

¹² Ibid. P. 18.

¹³ Quirini L. *De pace Italiae* // Segarizzi A. Lauro Quirini, umanista veneziano del secolo XV. Memorie della Reale Accademia delle scienze di Torino. Serie seconda. T. 54. 1904. P. 24–28.

¹⁴ См.: King M. L. Op. cit. P. 164.

¹⁵ Гай Фабриций Лусцин, римский государственный деятель и полководец первой половины III в. до н. э., консул в 282, 278, 273 гг. до н. э., славившийся честностью и неподкупностью.

сохранности всего благого».¹⁶ После «этих счастливых времен» на смену героям пришли люди, движимые одними низменными страстями, они довели Рим до гражданских войн и навязали Италии ярмо рабства.¹⁷ Героиня рисует печальную картину последних полутора тысячелетий своей истории, перечисляя такие беды, как упадок нравов и свободы при императорах, вторжения варваров, раздробленность страны и постоянные войны до настоящего времени, причем самым горестным для Италии Квирини было сознание войны и смуты как угрозы существованию культуры, греческой и латинской словесности. Меркурий старается утешить отчаявшуюся Италию и возвещает о приходе Фамы. Фама сообщает Италии, что долгожданный мир ей принесут три государя: «Первый — Альфонс, король Апулии <...> Второй — Франческо Фоскари, принцепс самой цветущей и самой изобильной Венецианской республики, пред всеми смертными благоразумнейший и красноречивейший, до небес превознесенный молвою.¹⁸ Третий — Филиппо, лигурийцев герцог (dux) могущественнейший и человечнейший, блистающий славой. Эти трое будут долго и кротко в мире тобою править»¹⁹. Заканчивается этот утопический диалог панегириком в адрес своеобразного нового триумvirата, на волю и мудрость которого в грядущем коллегиальном управлении надеется Италия.

Несомненно, для Квирини главной ценностью, во имя которой следовало прекратить войны, была культура. Однако, по всей видимости, в политическом измерении задача его как автора диалога «О мире в Италии» состояла не столько в описании проекта мирного урегулирования ситуации на полуострове (едва ли даже в понимании самого Квирини осуществимого), сколько в констатации достойного места Венеции среди ведущих на тот момент политических игроков Апеннин, таких как Арагон и Милан, силы которых были сопоставимы. Альфонс V Арагонский (1416–1458) стремился к гегемонии в Южной Италии

и был близок к заветной цели — отвоеванию Неаполя, которым и овладел в июне 1442 г.²⁰ Под герцогом Лигурийским Квирини подразумевал, очевидно, не генуэзского дожа, а герцога Миланского Филиппо Мария Висконти (1412–1447), главного противника Венеции в войнах за терраферму. Висконти присоединил Генуэзскую республику к своим владениям в 1421 г. и до 1435 г. управлял городом через заместителей. В декабре 1435 г. власть Милана была свергнута, и вскоре генуэзцы выдвинули престарелого Изнардо Гуарко на пост дожа.²¹ Его сменил Томмазо Фрегозо, который и был дожем Генуи на момент написания диалога Квирини, однако «герцог лигурийцев» (генуэзцев) у него Филиппо. Следует заметить, что в текстах Квирини не раз встречается достаточно вольное обращение с текущими политическими реалиями. Также не исключено, что в диалог «О мире в Италии» вошли отрывки риторических упражнений Квирини, сделанных им еще в Венеции, когда именование Филиппо «герцогом лигурийцев» было все же более актуальным.

В тексте «О мире в Италии» Квирини из всех качеств Венеции особо выделил процветание и богатство, не иссякавшие вопреки войнам. Свобода же в этом раннем диалоге рассматривается автором как общеитальянское древнее наследие и достояние, достойное возрождения. Не вызывает удивления мини-панегирик дожу Фоскари. Именование дожа принцепсом у Квирини и других венецианских авторов гуманистического круга подчеркивало идею гармоничного сочетания в Республике нескольких политических моделей, унаследованных от античности. Венецианский государственный деятель XVI в. кардинал Гаспаро Контарини (1487–1542) утверждал: «Итак, основатели избрали такое устройство и такое смешение всех полезных видов власти (statuum), что в одной республике сосуществуют и царское правление, и влияние оптиматов, и гражданский строй, так что все формы соседствуют на равных...»²²

По мере превращения Венеции в территориальную державу ее политическая символика и дискурс эволюционируют. Французский венецианист Э. Крузе-Паван отмечает, что в 1423 г. термин «коммуна» исчезает из венецианского

¹⁶ ...Qui pro libertate Italie, pro salute patrie, pro gloria, pro fama nominis et denique pro incolumitate bonorum omnium strenue et preclarissime cum exteris nationibus bella gerebant, exorti sunt inde vesani quidam homines pro cuncta agentes, qui mihi bella civilia, intestinas discordias, domesticas seditiones intulerunt et denique ita impie ac nefarie egerunt, quod me sub jugum servitutis detruserunt (Quirini L. De pace Italie. P. 24–25).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Цитата из «Энеиды» Вергилия — «fama super aethera notus» (Virg. Aen., I, 379).

¹⁹ Quirini L. De pace Italie. P. 27.

²⁰ См.: Гуковский М. А. Итальянское возрождение. Л., 1990. С. 364.

²¹ Там же. С. 439.

²² Контарини Г. Указ. соч. С. 62.

политического лексикона, вытесняясь термином «Signoria».²³ В том же году окончательно упраздняется за ненадобностью старинное аренго — народное собрание. За десять лет до того, в 1413 г., в официальное обещание дожа Томмазо Мочениго была внесена норма, исключавшая прямое обращение дожа к народному собранию, в результате чего существование этого древнего института, чья роль и так уже долгое время сводилась к формальному обнародованию актов советов, окончательно утрачивало смысл.²⁴ На терраферме документы, оформлявшие переход городов под власть Венеции, официально именовались золотыми буллами.²⁵ Наступая волнами на сушу и поглощая старинные итальянские города, морская республика постепенно приобретала имперскую атрибутику.

Специфика мировоззрения Лауро Квирини явственно проступала в его взглядах на благородство (*nobilitas*). Трактат «О благородстве. Против Поджо Флорентийца» (*De nobilitate contra Poggium Florentinum*, 1449) был написан им в форме полемического послания Поджо Браччолини (1380–1459) в ответ на его диалог «О благородстве» (*De nobilitate*, 1440). В этом труде, одном из программных текстов венецианского мифа в эпоху гуманизма, Квирини спорил с Браччолини о природе благородства. Жанр полемических посланий о том, что есть благородство, получил в гуманистической среде широкое распространение. Один из самых ярких деятелей раннего гуманизма канцлер Флорентийской коммуны Колюччо Салютати (1331–1406) в полемическом послании к Бандини д'Аррецо (1403), развивая мысль Сенеки о благородстве как природной склонности человека к добродетели утверждал: «Плебеи и рабы могут быть добродетельными не меньше, чем патриции и государи».²⁶ Ученик Салютати Поджо Браччолини в трактате-диалоге «О благородстве» также отрицал значимость родовитого происхождения в сравнении с личными заслугами, с благородством, приобретаемым человеком

благодаря своей деятельности.²⁷ Несмотря на то что сама тема противопоставления благородства крови благородству добродетели к середине XV столетия неоднократно обсуждалась, Браччолини показал в своем труде новые аспекты этого явления, которые и породили полемику среди гуманистов, длившуюся до конца столетия.²⁸ Флорентийская гуманистическая традиция, представленная Салютати и Браччолини, формировала идею благородства нрава и духа, не связанного с родовитостью. Квирини же истолковывал понятие *nobilitas* на основе венецианской политической культуры, пытаясь доказать, что природа благородства кроется в неизменном естественном порядке вещей, а добродетель проистекает из происхождения, а не из усилий конкретного человека. «Совершенство мироздания заключается в порядке, порядок — в превосходстве и возвышении»,²⁹ — утверждал Квирини.

Гуманист в своем труде настаивал на происхождении знатных родов Венеции от римских патрициев, включая сенаторов, бежавших в лагуну на Адриатике от полчищ Аттилы. Венецианский Сенат, который «закрыв доступ чужакам» во власть, в его труде — наследник римского Сената.³⁰ «Ведь можно видеть, — восторженно писал Квирини, — что в нашей счастливейшей Венецианской республике патриции обладают славными ромуловскими душами».³¹ Венеция — молодой по итальянским меркам город — собственной античной истории не имела, и венецианский миф в труде Квирини, очевидно, играл компенсаторную функцию: молодость Венеции, по сравнению с Римом или Миланом, восполнялась акцентом на преемственности ее нравов и институтов.

Квирини усиленно стремился выдать существовавший в его время социально-политический строй Венеции за извечный. Однако окончательно олигархический характер венецианского государства был закреплен в процессе так называемого «закрытия Большого Совета» в 1297 г. А венецианский совещательный орган

²³ Crouzet-Pavan E. *Venice Triumphant: the Horizons of the Myth*. Baltimore, 2002. P. 133.

²⁴ См.: Климанов Л. Г. Основы взаимодействия венецианского государства и общества (конец XII — начало XVI в.) // АДСВ. 2013. Вып. 41. С. 322.

²⁵ См.: Юсупов А. Ю. Указ. соч. С. 378.

²⁶ Салютати К. Письмо от 11 ноября 1403 г. к Бандини д'Аррецо // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). М., 1985. С. 42.

²⁷ См.: Браччолини П. Книга о благородстве // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: сб. текстов. Саратов, 1984. Ч. 1. С. 148–178.

²⁸ См.: Finzi C. La polemica sulla nobiltà nell'Italia del Quattrocento // *Cuadernos de Filología Clásica. Estudios Latinos*. 30.2 (2010). P. 341.

²⁹ *Mundi universi perfectio in ordine consistit, ordo in prestantia atque eminentia* (Quirini L. *De nobilitate contra Poggium Florentinum* // Lauro Quirini *Umanista*. P. 80).

³⁰ *Ibid.* P. 88.

³¹ *Videre enim licet in nostra felicissima Veneta re publica patricios viros inclitas Romuleas animas possidentes* (*Ibid.* P. 87).

Совет испрошенных, учрежденный в 1229 г., стал именоваться Сенатом только с 1296 г.³² Сам период 1297–1450 гг. в венецианской политической истории американский исследователь Р. Финли охарактеризовал как время «формирования патрицианской касты и возрастания господства Сената».³³

Общим местом в трудах венецианских интеллектуалов XIV–XV вв. была идея о влиянии морской стихии, которой Венеция обязана рождением и процветанием, на формирование нравов венецианской коммуны. Марино Санудо Торчелло (ок. 1270–1343), сановник и дипломат Республики, в трактате «Книга тайн верных креста» утверждал: «Люди венецианские в воде воспитаны».³⁴ Хронист и канцлер Крита Лоренцо де Моначи (1351–1428) также отмечал: «Вместо возделываемых полей им (венецианцам. — Д. В.) служит руль, а вместо вола — корабль, здесь все продается за монету, даже питьевая вода».³⁵ Для знатного гражданина Республики преуспевание в торговле было делом престижа. Квирини, прославляя в полемике с Поджо венецианский нобилитет, также не остался в стороне от темы морской торговли: «Торговля же, денежное дело и птицеловство сами по себе не являются признаками ни благородства, ни худородства. <...> Все, как говорит Аристотель, морские города ведут торговлю, через которую должным образом отправляют товары другим и обеспечивают ими себя».³⁶

Лоренцо де Моначи начал хронику панегириком родине, в котором сравнил Венецианскую республику с древней Римской, причем не в пользу последней: «Риму в конце концов Бог даровал власть над миром, но не вечность свободы. В самом деле, рабыня, рожденная при царях, свободу, полученную благодаря консулам, утратила при децемвирате».³⁷ Венеция же была «рождена при Христовой вере» и «основана в свободе».³⁸ У Моначи понятие *libertatis continuatio* — «вечность, непрерывность свободы» — было краеугольным камнем конструирования венецианского официального нарратива. Квирини в трактате «О благород-

стве» развивал эти идеи в направлении синтеза венецианской коммунальной гордости и гуманистического пиетета перед Древним Римом: «Посему римскую свободу счастливейшая Венеция сохраняет, избежав какой-либо борьбы группировок, раскола, разделения».³⁹ Эта идеологема внутреннего согласия и сплоченности, по крайней мере в среде нобилей Венеции, стала одним из оснований венецианского мифа. Любые события истории, противоречившие этой идее, объявлялись венецианским нарративом общественной аномалией. Так, Лоренцо де Моначи, предваряя в конце хроники рассказ о неудавшемся заговоре дожа Марино Фальеро (1354–1355), который в 1355 г. решил установить в Венеции режим единоличной власти, объяснял мотивы заговорщиков их безумием. Хронист восклицал: «Он (Фальеро. — Д. В.) до такой степени был неблагоразумен, что решил уничтожить священную тысячелетнюю свободу, и устройство Республики, и нравы, в основание которых положена, подобно прочнейшему камню, справедливость».⁴⁰

В трактате «О государстве» (*De respublica*, ок. 1449–1450) Квирини подчеркивал необходимость прочной опоры государства на законы: «Закон же — это разум без страстей».⁴¹ Но не только республиканский Рим был близок политическому мировоззрению гуманиста. В посвящении трактата Квирини именовал дожа «божественный принцепс Фоскари» и восторгался тем, что его слава ничем не уступала почестям древних Цезарей и Августов.⁴² Образ воинственного дожа, наиболее рьяного сторонника континентальной экспансии Венеции, конструировался в послании Квирини при помощи имперских словесных атрибутов. Очевидно также, что в самой середине XV столетия гуманист и патриций, постоянно именовавший Венецию «счастливой», «счастливейшей», искренне осознавал свое время как момент зенита могущества и блеска венецианской державы. Вскоре, правда, восторженному взгляду Квирини суждено было смениться на глубокую тревогу за судьбу не только Венеции, но и всего христианского мира перед лицом османского натиска.

³² Климанов Л. Г. Указ. соч. С. 321.

³³ Finlay R. *Politics in Renaissance Venice*. London, 1980. P. 281.

³⁴ Marinus Sanutus Torsellus. *Secreta fidelium crucis*. V. II. Hannover: J. de Bongars, 1611. P. 33.

³⁵ Laurentius de Monacis. *Chronicon de rebus venetis*. Venetiis, 1758. P. 33.

³⁶ Quirini L. *De nobilitate contra Poggium Florentinum*. P. 92.

³⁷ Laurentius de Monacis. *Op. cit.* P. 3.

³⁸ *Ibid.*

³⁹ *Libertatem ergo Romanam felicissima Venetia conservat sine secta, sine factione, sine divisione aliqua* (Quirini L. *De nobilitate contra Poggium Florentinum*. P. 88–89).

⁴⁰ Laurentius de Monacis. *Op. cit.* P. 316.

⁴¹ *Lex autem mens est absque cupiditate* (Lauro Quirini *Umanista*. P. 133).

⁴² *Ibid.* P. 124.

На фоне формирования имперской мифологии Венеции в трудах патриция-гуманиста заслуживают внимания образы Византии — державы ромеев, которая более тысячи лет сохраняла имя Римской империи. В знаменитом письме из Кандии папе Николаю V (15 июля 1453 г.) Квирины скорбел о взятии османами Константинополя: «Константинополь, этот имперский город, некогда оплот Римской империи, победитель и триумфатор над провинциями, увы! — ныне взят, несчастный, жестоко и безжалостно разрушен. И те граждане, ведущие свою родословную от Рима ... благороднейшие девушки, юноши, родовитые матроны, достопочтенные монахи — все они подверглись похищению, убиению, обещанию». ⁴³ Квирины именовал потомками римлян не только венецианцев, но и византийцев, а в Константинополе видел то, чем столица Византии изначально и была, — Новый Рим. В трактате «О благородстве», написанном до падения Константинополя, Квирины почтил похвальным словом Юстиниана: «Так и Юстиниан, проницательнейший Цезарь, постановил вечным эдиктом, дабы лишь те [женщины] обличены были званиями в Новом Риме, кто, происходя из патрицианских семей, всегда выходили замуж за патрициев». ⁴⁴

Гуманистическая культура отличалась логотризмом. Для Квирины османская экспансия и гибель Византии означали не только угрозу христианству, но и неминуемое крушение культуры. В письме Николаю V (15 июля 1453 г.) Квирины писал, что во взятом Мехмедом II городе было уничтожено более 120 тысяч книг, и предрекал гибель греческому языку и словесности. ⁴⁵ В перечне захваченных турками территорий, Квирины упомянул Трапезунд. ⁴⁶ В реальности же Трапезундская империя Великих Комнинов просуществовала до 1461 г. Эта ошибка гуманиста, ставшая прогно-

зом, оказала влияние и на последующую историописательскую традицию Венеции. ⁴⁷

Итак, основным достоянием византийского мира — как самой Византии, так и греческих владений Венецианской республики — для Квирины являлось языковое и книжное наследие античных времен. Традиционный для венецианского нарратива негативизм по отношению к грекам в сочинениях Квирины уступил место тревоге и боли за судьбу изящного слова. Известно, что множество беженцев из Византии после падения Константинополя устремилось во владения Венецианской республики, в том числе в Кандию. ⁴⁸ Вероятно, сохранение греческого языка и словесности во владениях Венеции виделось Квирины ничуть не менее возвышенной миссией его родного государства, чем поддержание аристократической свободы. Тревоги Квирины за судьбу Крита не стоит объяснять сугубо личными опасениями либо риторическими приемами эпистолярного жанра. Во время осады венецианского Негропонта турками, которым вскоре удалось взять этот город, Квирины писал 26 июня 1470 г. из Кандии влиятельному венецианскому сенатору и гуманисту Паоло Морозини, надеясь на его содействие в отправке в колонию подкрепления: «Нам необходимо быть готовыми к любому повороту событий, ведь Криту не хватает оружия и мужей; посодействуй, светлейший Паоло, — просим мы в письме — чтобы дали нам оружие и мужей наши благоразумнейшие власти. Благоволи же Криту, который является прочнейшим основанием венецианского господства, ты, честно пекущийся о Республике!» ⁴⁹ В эпистолярном наследии Квирины не так часто можно встретить подробные описания текущих событий, куда больше внимания венецианский гуманист уделял примерам из древней истории либо литературно-философским комментариям на современность. Отсылки к античной словесности типичны для гуманистического общения: даже повторяемый Квирины призыв дать Криту «оружие и мужей» (*armas virosque*) — очевидное цитирование первых слов «Энеиды» Вергилия «*Arma virumque sano*». При этом за пышным риторическим фасадом послания

⁴³ Constantinopolis, urbs impesiosa, Romanum quondam imperii arx, victrix ac triumphatrix provinciarum, heul, nunc misera capta crudeliter miserabiliterque diperta est. Cives illi, romanam originem trahentes, ante ora partum saevissime trucidati, virgins nobilissimae, ingenui pueri, matronae generosae, monachae venerandae rapiebantur, caedebantur, stuprabantur (Quirini L. Beatissimo Nicolao V Pontifici Maximo Laurus Quirinus salute in Domino qui est vera salus // Lauro Quirini Umanista. P. 226); Медведев И. П. Указ. соч. С. 322.

⁴⁴ Ideoque et Iustinianus providentissimus Cesar edicto perpetuo sanxit, ut illi dumtaxat in nova Roma dignitatibus fungerentur, qui, cum ex patricia familia descenderent, patriciis semper nupsissent (Quirini L. De nobilitate contra Poggium Florentinum. P. 85).

⁴⁵ См.: Quirini L. Beatissimo Nicolao V ... P. 227.

⁴⁶ Ibid. P. 229.

⁴⁷ См.: Карпов С. П. Указ. соч. С. 164.

⁴⁸ См.: Thiriet F. La Romanie vénitienne. Le développement et l'exploitation du domaine colonial vénitien (XIIIe–XVe siècles). Paris, 1959. P. 431.

⁴⁹ См.: Quirini L. Clarissimo et praestantissimo V. D. Paolo Mauroceno Laurus Quirinus salutem // Lauro Quirini Umanista. P. 259.

прослеживаются совершенно искренние переживания и страхи ученого за судьбу столь любимой им греческой словесности. Очевидно, для Квирины, жителя колониальной Кандии, основная ценность Крита состояла не только в его геополитическом значении для Венеции, но также в возможности основательно изучать на этом острове греческий язык, который он знал в совершенстве, и приобретать ценные тексты — главный объект гуманистического созерцания.

Политические труды Лауро Квирины — программные сочинения венецианского гуманизма XV столетия, в которых автор выстраивал идею венецианской исключительности и превосходства. По сравнению с более ранней хроникой Лоренцо де Моначи, в сочинениях Квирины менее выражен акцент на превосходстве Венеции над Римом. Напротив, в построении им воображаемого прошлого венецианцев получил развитие тезис о Венецианской

республике как о новом, подлинном Риме, сохранившем древние республиканские нравы и гражданский дух. Преемственную связь между Римом и Венецией Квирины продемонстрировал на двух уровнях — кровном, поскольку патрицианские роды Республики он в прямом смысле возводил к римским патрициям, и институциональном, приписывая Венеции сохранение римской свободы. При этом венецианская великодержавность в трудах Квирины уже облачается в императорские одежды. Так, после падения Константинополя Венеция предстала не только защитницей христианского мира от экспансии османов, но и законной наследницей «Нового Рима» — Византии. В целом, оформившуюся в основных чертах в XV в. и представленную текстами Лауро Квирины политическую доктрину Венецианской республики, по аналогии с *translatio imperii* — идейной основой Священной Римской империи, по праву можно назвать *translatio libertatis*.

Dmitriy V. Vozchikov

Postgraduate, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *catullus89@mail.ru*

FELICISSIMA VENETIA: VENETIAN MYTHS IN THE WORKS
OF VENETIAN HUMANIST LAURO QUIRINI

The article deals with the political aspect of the Venetian humanistic discourse of the 15th century with reference to the works of Lauro Quirini (c. 1420–1475/1479). An outstanding humanist Quirini was one of the architects of the Venetian myth — a doctrine of exclusivity and superiority of la Serenissima's political institutes. He lived in the period of serious foreign policy challenges faced by the Venetian Republic — the incursions on Terraferma in Italy and expansion of the Ottoman Empire in the East. Relying on a wide range of Quirini's works, including a series of letters to his fellow humanists, a dialogue “On the Peace of Italy”, a polemical treatise “On True Nobility. Against Poggio the Florentine” and other works the author studied this intellectual's reflections on the challenges of the time. The study also involved an analysis of the portrait of the Byzantine Empire presented in Quirini's writing — both “intravital” and “postmortem”, i. e. before and after 1453. Quirini attempted to depict the contemporary social and political structure of Venice as the primordial order, and defended his idea of nobility by birth versus the ideas of 'acquired nobility' advocated by Poggio Bracciolini. Quirini traced the genealogy of Venetian patrician families, to one of which he himself belonged, to the Roman patricians, and the Venetian civil institutions were, according to him, based on the Roman liberties' legacy. In general Lauro Quirini believed the contemporary to him Venetian Republic to be a new Rome — the heir of both the Roman classic culture and the Roman civil valor, which for Venice lacking its own ancient history played a compensatory role.

Keywords: *Lauro Quirini, Venetian republic, humanism, Venetian Romania, historical thought of the Middle Ages*

REFERENCES

Brachholini P. *Kniga o blagorodstve* [The book about nobility]. *Italyanskiy gumanizm epokhi Vozrozhdeniya. Sb. Tekstov* [Italian humanity of Renaissance. Collection of texts]. Part 1. Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo Uni. Publ., 1984, pp. 148–178. (in Russ.).

- Bragina L. M. *Italyanskiy gumanizm epokhi Vozrozhdeniya: Idealy i praktika kultury* [Italian humanity of Renaissance: Ideals and practice of culture]. Moscow: Izd-vo MGU Publ., 2002. 384 p. (in Russ.)
- Crouzet-Pavan E. *Venice Triumphant: the Horizons of the Myth*. Baltimore: Johns Hopkins University Press Publ., 2002. 386 p. (in English).
- Finlay R. *Politics in Renaissance Venice*. London: Rutgers University Press Publ., 1980. 336 p. (in English).
- Finzi C. *The debate over Italy's Fifteenth Century nobility* [La polemica sulla nobiltà nell'Italia del Quattrocento]. Cuadernos de Filología Clásica. Estudios Latinos, 2010, no. 30. 2, pp. 341–380. (in Italian).
- Gukovskiy M. A. *Italyanskoe vozrozhdenie* [Italian Renaissance]. Leningrad: Izdatelstvo LGU Publ., 1990. 624 p. (in Russ.).
- Karpov S. P. *Trapezundskaya imperiya i zapadnoevropeyskie gosudarstva v XIII–XV vv.* [The Trapezundsky empire and the Western European states in the 13–15th centuries]. Moscow: Izd-vo MGU Publ., 1981. 231 p. (in Russ.).
- King M. L. *Venetian Humanism in an Age of Patrician Dominance*. Princeton: Princeton University Press Publ., 1986. 548 p. (in English).
- Klimanov L. G. *Osnovy vzaimodeystviya venetsianskogo gosudarstva i obshchestva (konets XII–nachalo XVI v.)* [Bases of interaction of the Venetian state and society (the late 12th — early 16th centuries)]. ADSV, 2013, no. 41, pp. 309–323. (in Russ.)
- Kontarini G. *O magistratakh i ustroystve Venetsianskoy respubliki* [About magistrates and designe of the Venetian republic]. St. Petersburg: Izdatelstvo European University at St.-Petersburg Publ., 2013. 234 p. (in Russ.).
- Lauro Quirini humanist. *Studies and texts* [Lauro Quirini Umanista. Studi e testi]. Florence: L. S. Olschki Publ., 1977. 274 p. (in Italian).
- Medvedev I. P. *Padenie Konstantinopolya v greko-italyanskoy gumanisticheskoy publitsistike XV v.* [Falling of Constantinople in the Greek-Italian humanistic journalism of the 15th century]. Vizantiya mezhdru Zapadom i Vostokom. Opyt istoricheskoy kharakteristiki [Byzantium between the West and the East. Experience of the historical characteristic]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 1999, pp. 292–332. (in Russ.).
- O'Connell M. *The Venetian Patriciate in the Mediterranean: Legal Identity and Lineage in Fifteenth-Century Venetian Crete*. Renaissance Quarterly, 2004, vol. 57, no. 2, pp. 466–493. (in English).
- Parry S. *Fifty Years of Failed Plans: Venice, Humanism, and the Turks (1453–1503): a dissertation submitted to the Graduate Faculty in History*. New-York: ProQuest Publ., 2008. 666 p. (in English).
- Pashkin N. G. *Padenie Konstantinopolya v vospriyatii zapadnykh gumanistov XV v.* [Fall of Constantinople in the memories of the western humanists of the 15th century], ADSV, 2008, no. 38, pp. 258–266. (in Russ.)
- Salyutati K. *Pismo ot 11 noyabrya 1403 g. k Bandini d'Arezzo* [The letter of November 11, 1403 to Bandini D'Arezzo]. Sochineniya italyanskikh gumanistov epokhi Vozrozhdeniya (XV vek) [Compositions of the Italian humanists of Renaissance (15th century)]. Moscow: Izd-vo MGU Publ., 1985, pp. 39–42. (in Russ.).
- Thiriet F. *Venetian Romania. The development and the exploitation of the venetian colonial domain (12–15 centuries)* [La Romanie vénitienne. Le developement et l'exploitation du domaine colonial vénitien (XIIe–XVe siècles)]. Paris: De Boccard Pibl., 1959. 471 p. (in Italian).
- Yusupov A. Yu. *Sistema upravleniya venetsianskoy respubliki v VII–XV vv.* [Control system of the Venetian republic in the 7–15th centuries]. Vlastnye instituty i dolzhnosti v Yevrope v Srednie veka i rannee Novoe vremya [Power institutes and positions in Europe in the Middle Ages and early Modern times]. Moscow: KDU, 2011, pp. 356–386. (in Russ.).

Процессия на площади Сан-Марко. Художник Джентилле Беллини, 1496 г.
Галерея Академии, Венеция

Чудо Св. Креста у моста Сан-Лоренцо в Венеции. Художник Джентилле Беллини, 1500 г.
Галерея Академии, Венеция